

Раньше кантошенцы жили хорошо.

И только не было у них счастья.

Счастья, даже самого захудалого, мизерного и простенького, кантошенцы никогда не видели, но точно знали, что оно есть.

Хоть и не было в Кантошено счастья, зато в самом центре села стоял огромный и стародавний масленичный столб.

И передавалось из уст в уста предание о масленичном столбе, что на его макушке каждую весну можно найти счастье.

Каждую весну молодые кантошенцы лазали на столб.

И каждый надеялся, что именно он найдёт там, наверху, то самое,

ни кем не виданное счастье.

Долезть до макушки старого масленичного столба - дело трудное. Те, у кого по неопытности залезть никак не получалось, до следующей весны ходили угрюмые.

Удачливые и особенно хваткие добирались до вершины с первой попытки, но там, наверху - там всегда были только новые кожаные сапоги.

В конце концов, собрались на площади всем селом и решили, что новые сапоги - это и есть счастье.

Приняв судьбоносное решение, кантошенцы вздохнули облегчённо.

Легко и счастливо хрустя сапогами, расходились по своим домам и думали только о хорошем.

С тех пор в Кантошено счастье было почти у всех...

Но однажды, рано утром все жители Кантошено проснулись одновременно пронзённые одной и той же мыслью - в Катманду никто не знает о счастье!

Кантошенцы вышли из своих домов, прижимая подмышкой с одной стороны своих маленьких детей, с другой стороны - запасную пару новых сапог.

Так, молча, поскрипывая голенищами, они дошли до окраины села.

Все остановились, не зная, что делать и куда идти дальше.

И тогда один самый старый и мудрый кантошенец сказал: «Друзья, послушайте, я хочу сказать вам одну очень важную вещь!»

Все обратились лицами к нему, и в тишине зазвучали веские слова мудрейшего старика.

- Я прожил долгую жизнь, и не зря вы все называете меня самым старым и мудрым кантошенцем, ведь я знаю о вас абсолютно всё.

- Знаю историю нашего села и историю каждого двора.

- Но за все эти годы я так и не узнал одного...

- Кто же вешает сапоги на масленичный столб?!

Все переглянулись и вначале ничего не поняли, ведь каждый думал, что сапоги вешает на столб раз точно не он, то сосед.

И вот тогда над толпой повисло марево сомнения, переросшее в дрожь робких невнятных шепотов: «Ша-бу-ду, чу-ба-до...»

И вот над толпой проскользнуло первое, чуть слышное: «Чудо...»
«Чудо, чудо...» - уже смелее и громче раздались хриплые голоса

мужиков.

«Чудо-о-о-о-а!» - истерично вскинулась какая-то баба, и заревел, упавший из её рук, ребёнок.

«Чудо...» - тихо и светло проговорил старый и мудрый кантошенец и умер.

Так в Кантошено умер самый мудрый человек, но родилось чудо. И в словаре кантошенцев появилось необъяснимое чудо.

Шумели и удивлялись долго и дружно.

Расходились - по-необходимости.

Собирали своих детишек.

Малыши играли друг с другом - копошились в лужах и навозных кучах.

Мамаши ловко хватали за пятки и тянули из грязных луж и жирного навоза свои надежды на будущее.

Детские крики и слёзы, грязный подол материнского платья, запах перегоя, потные лица - всё смешалось в одно большое кантошенское детство.

Детские годы кантошенцев были счастливыми и чудесными...

Но один молодой кантошенец не кричал «чудо».

Он вообще стоял как-то даже не в стороне и даже не сбоку, а скорее сбоку припёку.

Этот молодой кантошенец недавно вернулся из города, где бросил два года учебы в столярном ПТУ и беременную городскую девушку.

Первое он предпочитал упоминать в беседе с сельчанами только в качестве института и, вдобавок ко всему, инженерного, а вторым - внутренне как-то даже высокомерил, считая своих земляков не способными ни на какие более-менее мужские культурные поступки.

Конечно не только и не столько по этому неизвестному никому внутреннему убеждению, но по наличию в биографии фактов географических перемещений, все кантошенцы считали молодого человека очень культурным и цивилизованным, даже немного городским и учёным.

Так вот этот молодой кантошенец не кричал «чудо».

Он прикидывал в голове такие мысли: «Так, так, так... А если никто не знает, кто же вешает сапоги на масленичный столб...»

Эта мысль как-то с помощью то ли химической реакции в мозге,

то ли какой-то непонятной системы внутри черепа кантошенца выдала следующее соображение: «Но ведь из этого может выйти неплохой... бизнес».

Молодой человек слышал это слово в городе много раз и все, кто учился с ним в ПТУ, и все с кем вечерами они попивали дешевое пиво или какие-то странного цвета химические составы, называемые то коктейль, то джин-тоник, так вот, они все повторяли это слово как заклинание.

Там, в городе, он ещё больше счастливел, повторяя с друзьями «бизнес» и добавляя к нему волшебные «маркетинг», «мерчендайзер» и ещё много всяких разных странных для русского уха звуков.

И так ему это слово «бизнес» нравилось, что очень хотелось этим словом называться.

Подумав так, молодой человек потихонечку испарился в утренней сырости...

Самый старый и мудрый кантошенец, помимо мудрости и знаний обо всём селе, имел во всём селе всяких-разных родственников (фактически в Кантошено родственниками были все).

Потому хоронили деда всем селом.

А так как дед был довольно назойливым при жизни и постоянно всем надоедал со своими мудрыми советами, то постепенно похороны перетекли в застолье, в результате которого часам к 11 вечера даже был порван баян и сломано несколько табуретоподобных конструкций.

- Что ж, жизнь продолжается! - говорили кантошенцы друг другу за столом и чокались кружками, стаканами, стопками и всем тем, чем положено чокается кантошенскому человеку.

- Неужели дед хотел бы, чтобы мы все легли тут и умерли! - и чокались опять.

В общем, проводили деда довольно весело.

И эта жизнеутверждающая процедура, которую даже нелепо называть поминками, не затянулась...

А через несколько дней, когда самого старого и мудрого кантошенца схоронили всем селом, на следующее утро все вышли во дворы и наблюдали такую картину.

Тот самый молодой кантошенец ходил по дворам с одним и тем же назойливым предложением.

Начинал он свою речь каждый раз одинаково не предложением и даже не требованием, а чем-то посередине.

- Нам надо срочно выбрать Председателя сельсовета! - говорил он в каждом дворе, после чего в путаных его рассуждениях начинали метаться различные неожиданные сочетания, вроде «готов взять ответственность на себя», «будучи молодым и перспективным» и ещё что-то про «ремонтирование» или «реформирование».

Каждый кантошенец, кантошенка или маленький кантошонок выходил во двор и недоуменно смотрел на молодого человека.

- Что это за Тьмутаракань, - с жаром брызгал он слюной на лица и руки несчастных кантошенцев.

- Во всех цивилизованных обществах есть администрация и глава администрации! Мы живем в прошлом веке!

В общем, каждая его речь сводилась к одной и той же вопросительной фразе: «Вы согласны выбрать Председателем меня?»

Кантошенцы равнодушно пожимали плечами, лишь бы он скорее убрался с их двора и не мешал управляться по хозяйству.

В конце концов, в Кантошено никакого Председателя сельсовета отродясь не было.

Да и сельсовета там никогда не было, ведь кантошенцы всегда обходились своим умом и опытом.

Равнодушные пожатия плеч молодой кантошенец принимал, как согласие, и так, к вечеру этого же дня, прошёл все дворы и получил согласие всех жителей села...

А ещё через несколько дней, выйдя на сельскую площадь, кантошенцы обнаружили следующую картину.

Масленичный столб был обнесён деревянным забором из кривых сучковатых, но толстых досок.

Влажный утренний сквозняк трепал какой-то листок, пришпиленный к заборной щели то ли обломком спички, то ли огрызком щепки.

Рядом прохаживался молодой кантошенец.

С важностью, заложив ладони за пояс штанов, как бы придерживая свой небольшой животик, он ходил перед трясущимся на заборе куском бумаги.

Когда вокруг собралась приличная толпа, то трое кантошенцев, стоящих вплотную к пришпиленной бумажке, начали разбирать неровные строки кривых и наползающих друг на друга букв. Вначале на листке стояло *Приказ* - это было несколько раз перечёркнуто.

Ниже было выведено *Распоряжение* - затёрто грязным пальцем. Видимо, у автора были проблемы или с канцелярскими принадлежностями или с чистоплотностью.

Дальше зачёркиваний и затирааний больше (ну или почти) не было. Вот такой текст прочитали кантошенцы на листке, что висел на заборе, что появился в этот день вокруг масленичного столба, прочитали вслух и в присутствии молодого и, как выяснилось, единогласно избранного Председателя сельсовета.

Решение:

- 1. Признать масленичный столб культурным достоянием Кантошено*
- 2. Масленичный столб охранять силами сельсовета*
- 3. Выяснить, кто же вешает новые сапоги на масленичный столб, и наградить благодетеля от благодарных жителей Кантошено, которым дал он этими сапогами счастье*
- 4. С желающих лазать на столб собирать небольшой взнос на награждение выясненного благодетеля*

*Председатель Кантошенского сельсовета
Н. Е. Который*

Ниже была приписка: *Осуществлять охрану, и сбор средств назначить молодого и прогрессивного кантошенца Н. Е. Которого*

И ещё раз с подписью и печатью: *Председатель Кантошенского сельсовета Н. Е. Который*

Вначале казалось, что поднимется недоуменный шум, что всех возмутят до личной внутренней революции эти наглые распоряжения ничейным (или всеобщим, что намного существенней для понимания прав и обязанностей Председателя!) масленичным столбом.

Но нет, шума не поднялось.

Кантошенцы подумали, что ведь правда интересно узнать, кто же вешает сапоги на масленичный столб, да и взнос небольшой и на благое дело.

Всё равнодушно пожали плечами и разошлись по своим делам...

Шли годы.

Теперь каждую весну платили небольшую мзду повзрослевшему Председателю сельсовета.

Как и прежде юноши Кантошено по весне собирались возле столба и лазали наверх за «счастливыми сапогами» - так их прозвал кантошенский народ.

Кто-то был более ловок, кто-то менее, но небольшую плату Н.Е. Которому давали все.

«За счастье надо платить», - приговаривал иногда Председатель сельсовета.

Шли годы.

За счастье надо платить - говорили молодёжи старшие.

За счастье надо платить - так стала гласить народная мудрость в Кантошено.

Постепенно в кантошенском мире появилась традиция.

Каждой невесте, впридачу к основному приданому, откладывалась небольшая сумма, чтобы жених, то есть будущий глава и отец семейства, слазал на масленичный столб за счастьем для молодой семьи...

Шли десятилетия.

Все совершенно забыли, что этот старый седой старик, дежуривший по весне с коробочкой возле столба, на которой было написано «деньги», собирает деньги для благодетеля, вещающего наверх сапоги.

Сам старик собирал деньги уже по-привычке и даже возмущался, когда кто-то не хотел платить, призывая в свидетели совершающейся несправедливости других жителей деревни.

Старик уже давно считался хранителем масленичного столба, и в глазах любого односельчанина только старику Н.Е. Которому можно было собирать деньги и использовать их для собственных нужд.

Нужды у Председателя делались вначале всё более, но постепенно, с годами - всё менее разнообразными, а с десятилетиями совсем свелись буквально к основным

человеческим потребностям - поесть, поспать и чем- то укрыться во время длинных кантошенских метелей.

Рядом с хранителем масленичного столба всегда отирался какой-нибудь непонятной масти и цвета пёс.

Старик был неизменен, псы менялись постоянно.

Псы были одного и того же общего вида и непонятной принадлежности, как и сам старик, забор, коробочка с надписью «деньги», её цвет и всё, что было вокруг столба.

Потому все были уверены, что пёс, как и старик всегда был один и тот же.

Иногда какой-нибудь маленький кантошонок дразнил пса, бросая в него огрызком кислой ранетки, либо просто куском навоза.

Особо дерзкие даже бросали кусок навоза в будку или в забор, а в исключительных случаях попадались такие безбашенные кантошата, которые могли бросить камень в стену стариковой каморки.

Возле забора и будки за эти десятилетия появилась каморка.

Но всегда кантошонка отлавливали и наказывали сами родители, потому что старик – хранитель масленичного столба – это традиция, а традиции надо соблюдать и чтить!

По крайней мере, те дворы, которые стояли вокруг масленичной площади могли точно утверждать, что ни один выросший у них кантошонок, даже самый малюсенький, не прошёл мимо бросания в пса или в старика куском навоза.

Каждый в детстве получал за это ремня от отца - сурового кантошенца или прута от матери - добротной добропорядочной кантошенки.

Вырастая и взрослея, все вспоминали такие случаи, посмеиваясь и грустя.

Ведь это тоже была традиция, посмеиваться и грустить над тем, как в детстве отец или мать надрали тебя за общее дело - бросание в масленичные будку пса или коморку старика куском навоза и всем тем, что попадалось под руку маленьким кантошатам, возящимся в уличной пыли и грязи...

Шло время.

Рождались и умирали те, кто влазил на масленичный столб, и кто когда-то на него не смог залезть.

Но старик будто сам стал частью этого столба.

Он ни с кем не разговаривал и даже казался немного нечеловеком. Потому что назвать его мертвым было нельзя, он все-таки жил в своей занюханой малюсенькой каморочке.

Но он ни с кем не общался, а просто выдвигал вперед ящик очередному претенденту на столб, и если у кого-то не было мзды, то закрывал рукой калитку.

И любой здоровый, сильный, но не имеющий средств молодой кантошенец, опуская плечи, подчинялся, потому что это тоже была традиция...

И вот однажды в Кантошено уже не осталось в живых никого из тех, проснувшихся ранним утром и узнавших, что на масленичный столб никто из жителей села сапог не вешал.

Остался только столб и старик, остальные просто по-привычке жили, лазали на столб, вносили ритуальную мзду на будущее счастье и были уверены, что так было с самых древних времён. Старик молчал и совершенно не пытался что-то вспоминать. Он просто жил возле столба.

Так прошло и время, и жизнь целого поколения кантошенских людей, а старик уже не был человеком - то ли жил, то ли нет, и никем не интересовался, кроме желающих залезть на столб...

Но вот, по прошествии многих лет, ранним утром, когда «кукаре» уже прозвучало, но закончить не смог ни один петух, потому что задремал, так вот, ранним весенним утром все жители Кантошено проснулись одновременно, пронзенные одной и той же мыслью - в Катманду никто не знает о счастье!

Точно так же, как их праотцы, они молча поднялись из своих постелей, взяли на руки и подмышки детей, вышли из домов, собрались на краю села, остановившись в зимне-весеннем полумраке ещё не начавшегося утра.

Они стояли, и никто не знал, что делать и куда идти дальше.

Старик - хранитель масленичного столба - тот самый молодой человек, которому очень нравилось слово «бизнес» - тоже был здесь.

Впервые за многие годы ему приснился какой-то сон, и проснулся он, как и другие жители села, от той же мысли.

В Катманду никто не знает о счастье!

Именно этот, когда-то молодой, кантошенец, Председатель сельсовета, сторож и охранник, хранитель культурного достояния, некогда считавшийся немного городским, очень культурным и даже цивилизованным человеком, именно этот старик был сегодня самым старым жителем Кантошено.

- Послушайте, я вспомнил! - сказал старик, и все головы повернулись в его сторону.

- Друзья, я прожил долгую жизнь! - все переглянулись, к чему это вдруг хранитель масленичного столба говорит в прошедшем времени.

Лиц видно не было, только марево поднимающихся дыханий вокруг каждой головы, словно ранним утром над рекой плывёт испарина, похожая на вуаль, но сырая и неприятная, если опустить в неё руку.

В эту испарину было опущено каждое лицо.

- Друзья, сегодня я должен сказать вам важную вещь!

- За все эти годы, я так и не узнал, кто же вешает сапоги на масленичный столб...

Кантошенцы зашумели, ведь оказалось, что этого не знает никто.

- Как? Как! Кто же вешает? Я- то думал... - сказал практически каждый про себя, но вслух проговорили только несколько самых истеричных кантошенских тёток.

- Нет, нет, нет! - продолжил самый старый кантошенец. - Я не об этом хотел сказать.

- Я прожил долгую жизнь, но так и не узнал ответа на главный и простой вопрос...

- Я так и не понял, почему в Катманду никто не знает о счастье?! Бросив в толпу этот вопрос, старик повернулся спиной к утренним сумеркам и, обходя весенние склизкие и ломкие лужи, запередвигался домой.

Как-то незаметно и по-привычке ковылял он к своей каморке, где лёг и задремал.

Пошумев, жители начали расходиться.

Матери тянули за хохолки и за пятки своих, уже разбежавшихся по навозным кучам и грязным щелям в заборе, кантошат и кантошаточек.

Кто-то даже пробубнил: «Что такое Катманду?»

А трое парней, которые только в этом году благополучно слезали на столб за своими «сапогами счастья», посмотрели на одного идущего в сторонке неудачника, который уже много лет не мог

никак добраться до макушки столба.

И один из них громко произнес: «Вон, катмандинец, который не знает о счастье».

А тот неудавшийся столболаз постарался быстрее уйти к себе на свой двор, уверенный, что в следующем году он не будет катмандинцем и точно достанет с макушки масленичного столба свои «сапоги счастья»...

Старик так никогда и не узнал, что ответ, простой и понятный, был у каждого жителя Кантошено на ногах.

Ведь за все эти годы ни один катмандинец не то чтобы не лазал на масленичный столб, но даже не покупал сапоги у кантошенцев. А если нет сапог, значит, нет и счастья.

По крайней мере, нет кантошенского счастья.

Рубрика КОМАРа

НАСТОЯЩИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Мой товарищ, в смертельной агонии

Не зови понапрасну друзей.

Дай-ка лучше согрею ладони я

Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не стони, ты не маленький,

Ты не ранен, ты просто убит.

Дай на память сниму с тебя валенки.

Нам еще наступать предстоит.

Эти стихи написал 19-летний лейтенант-танкист **Иона Деген** в декабре 1944 года. Их никогда не включают в школьные хрестоматии произведений о той Великой войне. По очень простой причине – они правдивы, но это правда — другая, страшная и невероятно неудобная для тех, кто пишет на своих машинах: «1941-1945. Если надо – повторим».

Иона после 9 класса поехал вожатым в пионерлагерь на **Украине** в последние мирные июньские дни 41 года. Там его и застала

война. В военкомате отказались призвать из-за малолетства. Тогда ему казалось, что через несколько недель война окончится в **Берлине**, а он так и не успеет на фронт. Вместе с группой таких же юношей (некоторые из них были его одноклассниками), сбежав из эвакуационного эшелона, они смогли добраться до фронта и оказались в расположении 130 стрелковой дивизии. Ребята добились, чтобы их зачислили в один взвод.

Так в июле 41-го года Иона оказался на войне.

Девятый класс окончен лишь вчера.
Окончу ли когда-нибудь десятый?
Каникулы — счастливая пора.
И вдруг — траншея, карабин, гранаты,
И над рекой до тла сгоревший дом,
Сосед по парте навсегда потерян.
Я путаюсь беспомощно во всем,
Что невозможно школьной меркой мерить.

В июле 1941 года добровольцем пошёл на фронт в истребительный батальон, состоящий из учеников девярых и десятых классов. Красноармеец. Воевал в составе 130-й стрелковой дивизии. Был ранен при выходе из окружения. Попал в полтавский госпиталь; по счастливому стечению обстоятельств избежал ампутации ноги.

15 июня 1942 года был зачислен в отделение разведки 42-го отдельного дивизиона бронепоездов, дислоцированного в Грузии. В дивизион входило два бронепоезда — «**Сибиряк**» и «**Железнодорожник Кузбасса**» и штабной поезд. Боевой задачей дивизиона осенью 1942 года было прикрытие направления на **Моздок** и **Беслан**. Командир отделения разведки. 15 октября 1942 года был ранен при выполнении разведзадания в тылу противника.

После выписки из госпиталя — курсант 21-го учебного танкового полка в городе Шулавери. Затем переведён в 1-е **Харьковское танковое училище** (Чирчик). Весной 1944 года закончил училище с отличием и получил звание младшего лейтенанта.

В июне 1944 года назначен командиром танка во 2-ю отдельную гвардейскую танковую бригаду, которой командовал полковник Е. Е. Духовный, участвовал в **Белорусской наступательной операции** 1944 года. Впоследствии — командир танкового взвода; командир танковой роты (Т-34-85), гвардии лейтенант.

Является одним из советских танковых асов: за время участия в боевых действиях в составе 2-й отдельной гвардейской танковой бригады экипажем Иона Дегена уничтожено 12 немецких танков (в том числе 1 «Тигр», 8 «Пантер») и 4 самоходных орудия (в том числе 1 «Фердинанд»), много орудий, пулемётов, миномётов и живой силы противника.

Был дважды представлен к званию **Героя Советского Союза**

